

В. фон Гумбольдт. О буквенном письме и его связи со строением языка.

(В.фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985, с. 403-424)

http://genhis.philol.msu.ru/article_213.shtml

При размышлениях о связи буквенного письма с языком мне всегда казалось, что первое находится в прямом соотношении с качествами последнего и что принятие, обработка и даже разновидность алфавита, а может быть, и его изобретение зависят от степени совершенства языка, а в конечном счете – от языковых предпосылок каждой нации.

Длительные занятия американскими языками, изучение древнеиндийского и некоторых родственных ему языков и наблюдения над строением китайского языка, как мне казалось, давали и историческое подтверждение этого положения. Американские языки, строение которых определенно отличается от совершенного, хотя их вовсе несправедливо было бы называть грубыми и дикими, насколько нам сейчас известно, никогда не обладали буквенным письмом. С семитскими и индийскими буквенное письмо связано настолько тесно, что нет даже малейших следов, указывающих на то, что они когда-либо пользовались каким-либо иным письмом. Если китайцы упорно отвергают столь давно уже известные им европейские алфавиты, то это, по моему мнению, объясняется вовсе не приверженностью их к своему и антипатией к чужому, но, скорее всего, тем, что в соответствии с их языковыми предпосылками и строением их языка в них еще не проснулась внутренняя потребность в буквенном письме. Если бы это было не так, то присущая им в большой степени изобретательность и сами их письменные знаки привели бы их к разработке настоящего, полноценного и совершенного алфавита в отличие от тех фонетических знаков, которые они сейчас используют только в качестве вспомогательного средства.

Эта гипотеза плохо подходила, как будто бы, только к Египту. Ибо современный коптский язык, бесспорно, показывает, что и древнеегипетскому было свойственно строение, не говорящее о больших языковых способностях нации, и все же Египет не только обладал буквенным письмом, но даже был, согласно вполне достоверным свидетельствам, его колыбелью. Но даже если нация является изобретательницей буквенного письма, то все равно способ ее обращения с ним будет соответствовать национальным способностям к восприятию мысли и ее закреплению и развитию в языковой форме; и истинность этого утверждения вытекает из той удивительной манеры, в которой египтяне сочетали друг с другом рисунок и буквенное письмо.

Итак, буквенное письмо и языковая предрасположенность находятся в тесной взаимосвязи и в непрерывной взаимозависимости. Я постараюсь доказать здесь это как исходя из чистых понятий, так и исторически, насколько это позволит скромный объем данной работы. <...>

Звучащее слово – это как бы воплощение мысли, а письмо – воплощение звука. Самая общая его функция заключается в том, что оно прочно скрепляет язык и тем самым делает возможным совершенно иное его осмысление, чем то, когда произнесенное слово просто находит себе определенное место в памяти. В то же время ясно, что не любая функция письменного обозначения и конкретных его разновидностей принимает участие во влиянии языка на дух. Следовательно, ни в коем случае не все равно, какой именно импульс получает духовная деятельность со стороны конкретного характера письменного обозначения. Законами этой деятельности обусловлено рассмотрение мыслимого и зримого как знака и обозначенного, поочередное обращение к ним и их различное взаимное соотнесение; ей свойственно сопровождать идеи или воззрения другими, родственными им, и потому перенос мысли, закрепленной только в звуке, на зримый предмет, в зависимости от того, как этот перенос осуществляется, может придать духу весьма различные направления. Но если взаимосвязь явлений не нарушается, то очевидно, что языковое мышление, речь и письмо должны быть согласованы друг с другом и как бы отлиты из единой формы. <...>

Само по себе ясно, что всякое рисуночное письмо, передавая зрительный образ реального предмета, должно мешать действию языка вместо того, чтобы его поддерживать. Язык нуждается и в наблюдении, но закрепляет эту потребность в словоформе, связанной посредством звука. Последней должно быть подчинено представление о предмете, чтобы оно превратилось в звено той бесконечной цепи, на которую по всем направлениям нанизывается языковое мышление. Когда рисунок становится письменным знаком, он произвольно оттесняет на второй план то, что он должен обозначать – слово. Сущность языка – главенство субъективности – ослабляется; реальная сила явления наносит ущерб системе идей; объект давит на дух всеми своими признаками, причем не теми, которые избирательно характеризуют слово в соответствии с индивидуальным духом языка; письмо, которое должно быть лишь знаком знака, становится одновременно и знаком объекта и, проецируя в мысль непосредственный зрительный образ, ослабляет то воздействие, которое слово осуществляет именно за счет того, что стремится быть чистым знаком. Рисунок не может добавить языку живости, поскольку такая живость не соответствует языковой природе, и обе разные функции духа, которым рисуночное письмо должно было бы способствовать, в результате его применения не усиливаются, но лишь рассеиваются.

Напротив, идеографическое письмо, обозначающее понятия, казалось бы, хорошо удовлетворяет системе идей языка. Ведь его произвольно выбранные знаки так же, как и буквы, не содержат ничего, что могло бы отвлечь дух, а внутренняя закономерность этих знаков замыкает мышление на самом себе.

Однако и такое письмо, пусть даже устроенное в соответствии с совершенно четкими закономерностями, действует наперекор идеальной, то есть превращающей внешний мир в идеи, природе языка. Ведь для языка материалом является не только чувственное явление, но и неопределенное мышление в той мере, в какой оно не связано прочными и четкими узами звука; ибо оно отсутствует в собственно присущей языку форме. Индивидуальность слов, которая состоит в том, что в каждом слове имеется еще нечто, кроме его простой логической дефиниции, зависит от звука в той мере, в какой последний непосредственно пробуждает в душе собственный отклик на каждое слово. Знак, который апеллирует только к понятию и пренебрегает звуком, следовательно, не может полноценно выразить эту индивидуальность. Система таких знаков передает лишь понятия, скопированные с внешнего и внутреннего мира; но язык должен содержать в себе сам этот мир, пусть превращенный в мысленные знаки, но во всей полноте его богатого, пестрого и живого многообразия. <...>

Буквенное письмо свободно от этих недостатков, будучи простым знаком знака, не отвлекающим посредством каких бы то ни было дополнительных понятий, повсюду сопровождающих язык, не обгоняя его и не отодвигая его в сторону, не обозначая ничего, кроме звука, и тем самым сохраняя естественный порядок, согласно которому мысль должна побуждаться производимым посредством звука впечатлением, а письмо должно передавать это впечатление не само по себе, но именно в этой конкретной форме.

Таким образом, точно следуя собственной природе языка, буквенное письмо как раз способствует его функционированию, отвергая кажущиеся достоинства рисунка и понятийного выражения. Оно не мешает чистой мыслительной природе языка, а, напротив, усиливает ее посредством разумного использования черт, которые сами по себе лишены смысла, а также облагораживает и возвышает ее чувственное выражение, разлагая на основные элементы звук, связанный в речи, выявляя взаимосвязь этих элементов и отношение их к слову и соотнося их также и со слышимой речью путем фиксации перед глазами. <...>

Правда, обнаружение звуковых элементов мыслимо и без использования буквенного письма, и китайцы, в частности, знакомы с анализом связанных звуков, ибо могут точно и определенно указать число и различия своих начальных и конечных артикуляций и своих словесных

тонов. Но так как ничто в привычном им языке и письме (в той мере, в какой оно действительно является знаковым письмом – ведь китайцы, как известно, примешивают к нему также и звуковое обозначение) не побуждает к такому анализу, то уже поэтому он не может быть общеупотребительным. Далее, поскольку отсутствует изолированная передача каждого отдельного звука (согласного и гласного) через принадлежащий ему одному знак, но имеются лишь способы передачи начал и концов связанных звуков, то представление звуковых элементов не является столь же ясным и наглядным, как в буквенном письме, а потому такой звуковой анализ, хотя ему нельзя отказать в полноте и точности, не оказывает на дух воздействия, свойственного действительно завершённому языковому делению. <...> Напротив, алфавитное чтение и письмо каждое мгновение вынуждают к распознаванию звуковых элементов, различимых одновременно слухом и взглядом, и приучает к легкому разделению и сложению этих элементов; таким образом, они вводят совершенно правильное представление о делимости языка на элементы в общее употребление в той самой степени, в какой они сами распространены в пределах нации.

Прежде всего это справедливое представление сказывается на произношении, которое упрочивается и облагораживается через распознавание и заучивание звуковых элементов в изолированном виде. Поскольку для каждого звука имеется знак, то ухо и речевые органы привыкают к восприятию и передаче его всегда одним и тем же способом; в то же время вследствие отделения неопределённых оттенков, всегда сопровождающих переход от одного звука к другому в неразвитой речи, звуки яснее и правильнее отграничиваются друг от друга. Уже само по себе такое чистое произношение, высокое развитие слуха и речевых органов и воздействие этих факторов на внутреннее устройство языка имеют исключительно важное значение; но выделение звуковых элементов оказывает ещё более глубокое воздействие на сущность языка.

А именно, в результате такого выделения, обособливающего и обозначающего членораздельные звуки, перед духом предстает звуковая артикуляция. Алфавитное письмо делает это яснее и нагляднее, чем какое бы то ни было иное средство, и не будет слишком смелым сказать, что алфавит позволяет народу совершенно по-новому взглянуть на природу языка. Поскольку сущность языка заключена в членораздельности, без которой язык просто был бы невозможен, а идея членения пронизывает его целиком, - даже там, где речь идет не только о звуках, - постольку осознание и представление расчлененного звука должны быть в первую очередь связаны с первоначальной правильностью и постепенным развитием языкового сознания. <...>

Столь непосредственно связанное с внутренней природой языка буквенное письмо неизбежно влияет на все его сферы, и потребность в нем

ощущается всюду. Я напомним здесь всего лишь о двух моментах, связь письма с которыми наиболее очевидна: о ритмических достоинствах языков и об образовании грамматических форм.

<...> Конечно, ритмическая поэзия имела у всех наций еще до появления у них письма, при этом у некоторых она была слоговой, а у немногих, высокоорганизованных народов, достигала в этом отношении большого совершенства. Но появление алфавита, бесспорно, могло отразиться на поэзии только самым положительным образом, а до него уже само наличие поэзии свидетельствует о столь развитом чувстве природы отдельных языковых звуков, что для этого чувства недостает только обозначения – так же, как и в других случаях человек часто бывает вынужден ждать от руки судьбы чувственного выражения того, что давно уже созрело в его душе. Ибо при оценке влияния буквенного письма на язык нужно прежде всего обратить внимание на то, что и в этом письме, собственно, заложены два фактора: выделение артикулированных звуков и их внешние обозначения. Мы уже отметили выше, при обсуждении китайского письма – в данном случае то же самое утверждение можно распространить и на алфавитное письмо, – что не всякое использование звуковых обозначений оказывает на язык решающее влияние, такое, какое обеспечивает для нации и ее языка принятие буквенного письма в его настоящем виде. Напротив, если выдающиеся языковые предпосылки народа подготавливают и обуславливают внутреннее восприятие членораздельного звука (являющееся как бы духовным компонентом алфавита), то и при отсутствии алфавитных знаков, еще до возникновения буквенного письма, народ этот может частично пользоваться его преимуществами.

Поэтому слоговые размеры, подобно гекзаметру и шестнадцатисложному стиху шлок, дошедшие до нас из тьмы веков, но до сих пор неподражаемо чарующие слух одной только последовательностью своих слогов, являют собой, может быть, еще более сильное и надежное доказательство глубокого и тонкого языкового сознания породивших их наций, чем сами сохранившиеся их стихотворения. Ведь в каком бы тесном родстве ни состояла поэзия с языком, все же на нее, естественно, одновременно действуют многие духовные факторы; но нахождение способа гармонического переплетения слоговых долгот и краткостей свидетельствует о восприятии языка в его истинном своеобразии, о способности слуха и сознания к такой реакции на соотношение артикуляций, которая приводит к различению отдельных артикуляций внутри связанных и к определенному и правильному распознаванию их звуковых качеств. <...>

Словоизменение, на котором основывается сущность грамматических форм, неизбежно ведет к различению отдельных артикуляций и вниманию к ним. Когда язык соединяет друг с другом только значимые звуки или, во всяком случае, не умеет прочно сплавлять грамматические обозначения со

словами, он имеет дело только со звуковым целым и не стремится к различению отдельной артикуляции так, как это происходит в том случае, когда одно и то же слово выступает в различных словоизменительных формах. Поскольку в результате утонченности и живости языкового сознания возникают прочные грамматические формы, то они способствуют распознаванию системы звуков, за которым следует уже беспрепятственное изобретение или плодотворное использование видимых знаков. Ибо когда алфавитом начинает пользоваться народ, обладающий еще грамматически несовершенным языком, то за счет добавления и изменения отдельных букв могут быть образованы новые словоизменительные формы, старые же формы могут лучше сохраняться, а еще не полностью сформировавшиеся – могут быть четче ограничены.

Еще более существенным образом, хотя это и не так заметно на конкретных признаках, буквенное письмо воздействует на язык тем, что только оно завершает представление о его членении и повсеместно его распространяет. <...> В языках без буквенного письма и без явных признаков осознания потребности в нем следствия подобной незавершенности сказываются не только на правильности и полноте представления о членораздельности звуков, но на всем их строении и употреблении в целом. Однако членение есть самая сущность языка; в нем нет ничего, что не могло бы быть частью либо целым, и эффективность его непрерывного действия зависит от легкости, точности и согласованности его делений и сочетаний. Понятие членения есть логическая функция языка, в той же мере, в какой оно является функцией самого мышления. Следовательно, если народ благодаря остроте своего языкового сознания воспринимает язык в его подлинном своеобразии, духовном и звуковом, то он стремится дойти до его исходных элементов – основных звуков, - различить их и дать им обозначение, иными словами – изобрести буквенное письмо или с готовностью усвоить предлагаемое ему извне. <...>

Ибо настоящим письмом можно назвать только такое, которое обозначает определенные слова в определенном порядке, что даже и при отсутствии букв можно осуществлять при помощи понятийных знаков и даже при помощи рисунков. Но если, напротив, письмом в широчайшем смысле этого слова называть любую передачу мыслей, осуществляемую посредством звуков, то есть при которой пишущий представляет себе слова и которую читающий также переводит в слова, пусть не совсем в те же самые (определение, без которого не было бы никакой границы между рисунком и письмом), то между двумя этими конечными пунктами окажется обширное пространство для разнообразных степеней совершенства письма. Последнее, в частности, зависит от того, закреплены ли знаки в своем употреблении за более или менее определенными словами или же только за мыслями, и, следовательно, от того, в какой мере расшифровка их приближается к чтению как таковому. И мексиканское иероглифическое письмо, как кажется, в своем

развитии остановилось внутри этого пространства, не достигнув уровня настоящего письма, хотя и на такой ступени развития, которую сейчас трудно точно определить. Так, например, сейчас нельзя уже установить, можно ли было в иероглифической форме записывать стихи – а некоторые стихи были весьма известны и упоминания о них сохранились в источниках, – ведь неопровержимо, что форма поэзии связывает ее с определенными словами в определенном порядке. Если это было невозможно, то здесь перуанцы находились в более выгодном положении. Ибо письмо, или его аналог, не представляющее объекты как таковые, но являющееся скорее внутренним вспомогательным средством памяти, может, пусть не вполне адекватно, передаваться другому народу и весьма долго сохраняться во времени в органической связи с языком. При этом, конечно, нельзя забывать, что народ, пользующийся таким письмом, обладает не столько настоящим письмом, сколько лишь способом непосредственной отсылки к памяти без письма, высоко усовершенствованным при помощи искусных средств. Но как раз в том и заключается важнейшее различие между наличием и отсутствием письма, что в первом случае памяти не отводится уже главная роль среди устремлений духа.

Каковы бы ни были достоинства и недостатки каждой из этих двух [2](#) систем письма, они все же удовлетворяли нации, их усвоившие; они к ним привыкли, и каждая из них (и прежде всего – перуанская) была даже интегрирована в государственное устройство и в аппарат государственной власти. Поэтому трудно представить себе, каким образом какой-либо из этих народов мог бы самостоятельно прийти к буквенному письму; однако возможность этого все же не исключена. Пример Египта показывает близкое родство звуковых иероглифов и букв, а из графического представления веревочных узелков могли бы возникнуть знаки, напоминающие по форме китайские, но допускающие также и фонетическую трактовку. Но для этого нужны были бы духовные предпосылки, сходные с теми, которые у египтян выявились настолько рано, что их можно обнаружить даже в самых древних источниках; а для будущего развития нации всегда является неблагоприятным признаком то, что она, еще при отсутствии подобных предпосылок, уже стоит на таком значительном уровне развития и характеризуется такими многообразными и прочными общественными формами, как это было в Мексике и Перу. Можно предположить, что в обоих государствах, как в настоящее время в Китае, имело бы место сопротивление принятию буквенного письма, если бы последнее предлагалось добровольно, а не принудительно, в результате завоевания.

Разбирая грамматические формы, я пытался показать, что место их могут занимать всего лишь аналоги; точно так же обстоит дело и с письмом. Там, где отсутствует настоящее письмо, единственно пригодное для языка, все внешние, а до некоторой степени также и внутренние цели и потребности могут удовлетворять и другие, заменяющие его системы. Но своеобразное

воздействие настоящего письма, равно как и своеобразное воздействие подлинной грамматической формы, не может быть заменено ничем и никогда; оно заложено во внутреннем восприятии и обращении с языком, в способе формирования мысли, в индивидуальности мыслительных и чувственных потенций.

Но если такие заменяющие средства (поскольку теперь это выражение уже понятно) уже пустили свои корни, если инстинктивно стремящееся к лучшему сознание нации не воспрепятствовало их закреплению, то они еще более притупляют это сознание, поддерживают ложную, удобную для себя направленность системы языка и мышления или же придают ей такую направленность и становятся уже неискоренимыми, а если их все же удастся искоренить, то ожидаемые благотворные последствия этого проявляются уже значительно слабее и медленнее. Следовательно, если народ с радостью принимает и усваивает буквенное письмо, он должен сделать это рано, на заре своей юности, по крайней мере в то время, когда он еще не создал при помощи искусственных и мучительных усилий другой разновидности письма и не привык к ней. В еще большей мере так должно обстоять дело, когда буквенное письмо изобретается исходя из внутренней потребности, не проходя через каких бы то ни было посредников. Но могло ли такое когда-либо действительно произойти или же это настолько неправдоподобно, что может рассматриваться лишь как отдаленная возможность, - к обсуждению этого вопроса я предполагаю вернуться в другом месте.